

Анималистика современной поэзии сибирских авторов для детей*

Детская литература традиционно включает животный мир в круг своих основных образов и мотивов. Скажем больше, анималистику считают принадлежностью именно литературы для детей в силу познавательной функции и духовно-нравственных возможностей темы [6, с. 367].

Современная поэзия не концентрируется на чувстве вины перед живыми существами, свойственном гуманистической детской литературе 1960–80-х гг. (см. об этом: [1]), но в текстах сибиряков для детей анималистические образы по-прежнему занимают центральное место. Интересно, что основной задачей анималистики становится не только формирование этической нравственности и знакомство ребенка с окружающим миром. Выбор животных и трансформация образов отражают также имагологический антагонизм «своего» и «чужого».

Всех животных детских поэтических сборников можно разделить на две группы. Во-первых, это – представители фауны Сибири. Анималистика и – шире – выстраивание целостного природного космоса способствуют формированию в детской лирике идеи «малой родины». Сибирь здесь – не жестокая и холодная земля, а многокрасочная, богатая и радостная тайга. Слово «тайга» употребляется в положительном контексте, имеет семантику щедрости. Один из разделов сборника Николая Ярославцева (г. Чита) «Паровоз ходил чумазый» называется в соответствии с заглавием одного из стихотворений «Что привез я из тайги?»: «Вот что я с собой привез: / Кедр шум и свет берез <...> / Разговор веселых птиц, / Трепет зайцев и куниц. / Шорох белок осторожных, / Горечь дыма от костров, / А еще загар таежный, / Да укусы комаров» [13, с. 146]. В одном ряду упоминаются приметы животного мира, растительной природы, герой включен в единую экосистему. Даже «укусы комаров» в последней строке, иронически снижающей общую лирическую интонацию стихотворения, воспринимаются как необходимая часть единого целого, в которое вписан человек. В стихотворении «Закон тайги» из этого же сборника обговаривается

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-14-70005а(р) «Творчество сибирских писателей и сибирская тема в литературе XX–XXI века для детей и юношества».

общее требование к гармоничному сосуществованию человека и леса: «И если, мой друг, / Попадешь в эту глушь, / Живи, но закона / Тайги не нарушь!» [13, с. 170]. Несмотря на обозначение сибирского леса «глушью», именно тайга осознается героем поэзии Ярославцева как питательная среда для творчества: «Я встану пораньше – / Почти с петухами, / Чтоб снова поехать / В тайгу за стихами» («В тайгу за стихами») [13, с. 173]. В этом тексте автор предпринимает попытку типизации: «Сложу все, что нужно, / В походный рюкзак, / как делает это / Любой сибиряк». Сибиряк здесь равен любому жителю леса (в том числе и животным), потому что способен вписаться в природу, приспособиться к ней, но кроме того он обладает способностью творчески отразиться и описать мир: «И снова – / И солнце, и небо, и птицы / В тетрадку попасть / Захотят на страницы <...> / Я воздухом свежим / В тайге подышу... / И свежие детям / Стихи напишу!». Поскольку природа дает импульс гармонизации внутреннего мира, отношение к животным исключает утилитарность. Они, скорее, соседи. Именно поэтому омуль в стихотворении Ярославцева «На Байкале» имеет эстетическую, а не практическую ценность: «Светел и прозрачен омут, / Тайна омута видна. / Вижу я, как рыба омуль / Плавно плавает у дна. // Блещут камешки, как брошки, / Тени падают от скал. / Смело пью я из ладошки / Море славное Байкал» [13, с. 172]. Утоление жажды, в данном случае, – процесс, имеющий отношение не к физическому, а к духовному насыщению: «Не могу я насладиться / Этой свежей чистотой!». Лишь в одном из текстов для детей Ярославцева тайга показывает свой обратный звериный лик. В сказке «Хребтовик» воображаемый монструозный хозяин тайги нападает на забредшую в леса машину: «Как-то раз в тайге по тракту / Шел огромный грузовик. / Вдруг ему навстречу – ах, ты! – / Вышел грозный хребтовик. // У зверюги-исполина / Было столько злобных сил, / Что мгновенно у машины / все колеса откусил!.. // И сейчас в тайге он бродит... / Говорят, что до сих пор / На работу не выходит / Перепуганный шофер» [11, с. 12]. Символически в сказке воплощается не только мощь и неуправляемая сила тайги, но и конфликт между человеком и машиной. Значимо имя таежного чудовища, – хребтовик – семантически сближающее животное начало и онтологию в целом; «хребет» – основа, костяк, опора. Тайга в поэзии Ярославцева для детей организует структуру сибирской жизни и ее содержание.

В творчестве другого автора, Никона Сочихина (Томская обл.), животные становятся не столько частью леса, сколько первопричиной

природных явлений. Так, весна наступает благодаря птицам: «Пусть снова вьюга злится / И леденеет даль, / Но клюнула синица / О голубой хрусталь» («Весенняя песенка») [9, с. 23]. Сравним с его же текстом, размещенным на соседней странице книги: «Еще зима. Еще морозы. / И в куржаке стоят березы, / А под елкой на опушке / На снегу цветут веснушки. <...> / Дятел шишку шелушил / И под елкой накрошил <...> / Вот откуда на опушке / На снегу цветут веснушки» («Зимние веснушки») [9, с. 22]. Река существует не для рыб, а благодаря им: «Если не было бы рыбы, / То и не было реки. / Не сидели бы, как глыбы, / Над водою рыбаки» («Если») [9, с. 15]. Также, как Ярославцев, Сочихин соотносит в этом тексте детей и жителей леса: «ребята» отличаются от «зверят» лишь тем, что читают стихи.

В едином природном космосе у каждого существа – своя задача. Не только у Сочихина, но и у других авторов животные сибирского леса изображены в детской поэзии как мастеровые, ремесленники. Их антропоморфные черты связаны с семантикой труда. Дятел «работает» доктором (Н. Сочихин «Лесной Айболит» [8, с. 18]), голуби превращаются в моряков (Н. Сочихин «Парусный флот» [8, с. 8]), бобр топор и строит плотину не только для себя, но и для речных жителей (Л. Гержидович «Бобр» [3, с. 11]), а стихотворение о бурундуке так и названо – «Лесной работник» [2, с. 10]. Фауна стихотворений богата: белка, ласка, рысь, лось, колонок, бурундук, хорек, журавль, тетерев, цапля... – герои этих текстов.

В сибирской поэзии для детей явственен не только образовательный компонент, но и дидактический посыл. Природа учит ребенка постоянно действовать, находить себе занятие: «Столярничал дятел / На стройной сосне – / При нем было стыдно / Бездельничать мне...» (С. Донбай «Лесное лето» [4, с. 4]). Здесь же: «Считала кукушка, / И я не скучал – / И я арифметику / С ней изучал» [4, с. 10]. Герой-ребенок подражает животным и ориентируется на них как на образец идеального поведения.

Если обобщить размышления о лирике, в которой представлены домашние животные и животные Сибири, то для детских стихотворений характерны два условных типа анималистики:

1) сентиментальный: эмоциональная настроенность; проявление героем (и юным читателем) умиления по отношению к животным и сопереживание им, что, в конечном счете, способствует развитию гуманизма и нравственности;

2) натуралистический: описание повадок и особенностей животных в природе.

Принципы анималистики радикально меняются, если в поле зрения писателя оказываются животные дальних стран, которые не обитают в Сибири. В отличие от животных тайги и домашних животных, подаваемых в качестве «своих», узнаваемых, отдаленные представители фауны описаны как «чужие», странные. Их облик приобретает черты монструозности (характерно одно из названий поэтического сборника Н. В. Ярославцева «Синий крокодил» [12]). Эти звери не столько ассоциируются со страшным, пугающим, сколько с абсолютно неизвестным, поэтому их «поэтическое поведение» способно в полной мере отличаться от натуралистического. Пингвин ест фруктовый лед и ходит «на чай» к тюленю (Д. Сиротин «Поучительный случай в Антарктиде» [7, с. 3]); кита дергают за уши на шестидесятилетний юбилей – после этого кит остается безухим: «Без ушей – солиднее вид! / Не висят – и пускай не висят! / Ведь не мальчик уже: шестьдесят» («Почему у кита нет ушей») [7, с. 22] и т. д. Во многих стихотворениях Алексея Ерошина природные особенности зверей не важны; животное воплощает собой лишь имя, языковой факт, с которым можно играть, вплетая его в лексические и фонетические структуры: «Шиншилла жила в шалаше у опушки, / И шила одежды для каждой зверушки. / Для жабы – жабо. Дождевик – для хорька. / Жилетку в полоску – для бурундука» («Про шиншиллу») [5]. Скопление шипящих и свистящих звуков в этом стихотворении делает его своеобразной скороговоркой для читателя, речевым упражнением, в котором семантика связана с формой.

Николай Ярославцев в одном из детских стихотворений сюжетно разворачивает известное выражение «делать из мухи слона»: «Из какой, неизвестно, страны / К нам домой прилетели... слоны! / Не успели попасть за порог, / Как усьелись на мамин пирог! / Стал наш папа газетой махать / И слонов по квартире гонять, <...> / По секрету шепну вам на ухо: / И не слон это вовсе, / а муха» [10, с. 20] (сравним с его же стихотворением «Обидный сон», где слону снится, что он уменьшается до размеров муравья [10, с. 8]). С одной стороны, слово опредмечивается, и абстрактная фраза приобретает для читателя-ребенка конкретное воплощение; с другой стороны, образ животного развоплощается, становясь лишь словом, способным подвергаться трансформациям.

Поэты, которых можно (весьма условно) причислить к реалистическому направлению, почти не прибегают к использованию подобных анималистических персонажей. Зато в игровой лирике «чужие» животные появляются очень часто, потому что своей странностью, чужеродностью

нарушают каноны поведения и служат поэтическим инструментом для создания абсурда.

Особый способ поэтического оперирования «чужими» анималистическими персонажами есть в нескольких стихотворениях Николая Ярославцева: «Пришли ко мне в дом / И легли у порога / Четыре свирепых / Больших носорога. // У каждого зверя – / Воинственный рог! / От страха я сдвинуться / С места не мог... // <...> / И пили мы чай / Из брусники, кипрея, / И каждый из них / Становился добрее. // И каждый теперь / Симпатичен был мне, / И каждый меня / Покатал на спине» («Гости») [11, с. 14]. Страшный незнакомый зверь вторгается в персональное пространство героя, но, преображенный этим пространством и его составляющими (травяной чай), становится «своим»: «симпатичным», «добрым». В другом стихотворении, наоборот, пространство не принимает чужака: «По заснеженному полю / Бегал синий крокодил. / В это время школьник Толя / Мимо поля проходил. // – Отчего такой Вы синий? – / В страхе Толя произнес. / – Оттого, что з-десь, в Р-оссии, / З-зам-мечательный м-мороз!» [12, с. 139]. Несмотря на кажущуюся противопоставленность двух текстов, в них использован один и тот же поэтический прием. Вписывая «чужого» в свою среду (пространство Сибири), автор усиливает имагологический контраст. Это позволяет передать онтологическую близость «своего», родного места.

Можно сделать вывод, что современная сибирская поэзия для детей проявляет коллективное, но изолированное от внешнего мира сознание, разграничивающее «свое» и «чужое» и понимающее «свое» как природное, органическое, а иноземное – как сказочное, почти не существующее.

Список литературы

1. Арзамасцева И. Н. Природоведческая литература // Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература : учебник. 7-е изд. М. : Академия, 2011. С. 461–465.
2. Гержидович Л. М. Как дела, лесной народ? Кемерово : ФГУИПП «Кузбасс», 2004. 16 с.
3. Гержидович Л. М. Приглашаю в лес гулять. Кемерово : ФГУИПП «Кузбасс», 2004. 16 с.
4. Донбай С. Л. Лесное лето : стихи для детей. Кемерово : Кузбасс, 2005. 24 с.
5. Персональный сайт А. Ерошина. [Электронный ресурс]. URL: <http://vostrelok.narod.ru/content/stihidet.html> (дата обращения: 20.10.2016).

6. Путилова Е. О. Детская литература : учебник / Е. О. Путилова, А. В. Денисова, И. Л. Днепров. М. : Академия, 2008. 384 с.
7. Сиротин Д. Почему у кита нет ушей? Ростов н/Д : Феникс, 2014. 31 с.
8. Социхин Н. В. Кораблик : стихи для детей. Томск : Красное знамя, 2002. 28 с.
9. Социхин Н. В. Ручеек : стихи для детей. Томск : Д-Принт, 2014. 24 с.
10. Ярославцев Н. Где живет ветер? : стихи для детей. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 16 с.
11. Ярославцев Н. В. На летающей тарелке : стихи для детей. Чита : Росток, 1993. 24 с.
12. Ярославцев Н. В. Синий крокодил. Чита : Экспресс-Типография, 2003. 36 с.
13. Ярославцев Н. В. Паровоз ходил чумазий... Чита : Экспресс-издательство, 2010. 175 с. (Золотая б-ка Забайкалья).

К. В. Загороднева, А. А. Королев (Пермь)

Античные мотивы в книге стихов В. Дрожащих «Рифейские строфы»

Книга «Рифейские строфы» (2004) поэта и журналиста Владислава Яковлевича Дрожащих (род. в 1952 г. в Перми) с подзаголовком «Избранное» вмещает в себя писательский опыт автора за несколько десятилетий. Открывается она разделом «Небовоскресенье» (1970–1975) – по названию первой поэмы Дрожащих, «написанной способом покadroвого монтажа» [3, с. 101] и отсылающей к библиотечным карточкам поэта-концептуалиста Л. С. Рубинштейна: «Сначала письменный хаос будущей поэмы я записывал четверостишиями на отдельные бумажные карточки. А потом, сидя на полу, как в центре своей маленькой домашней вселенной, раскладывал из них своеобразный карточный пасьянс. При удачном соединении выбирал подходящее для продолжения линии монтажа четверостишие – так построил всю поэму. Тема неба там главная» [3, с. 101].

Книгу стихов В. Дрожащих «Рифейские строфы» открывают и сопровождают рисунки книжного оформителя, художника станковой графики Вячеслава Борисовича Остапенко (род. в 1956 г. в Перми). Первый рисунок к разделу «Небовоскресенье» напоминает театральную перчатку,